

Стоял праздник Середины осени. В императорском саду дворца в Лояне едва начали осыпаться листья платанов, сладко благоухал османтус, а на пиршественных столах высились горы отборных крабов — верный признак сытой золотой осени. Дул свежий, прохладный ветер. Ныне правящий император Ян Цзин праздновал этот день вместе с гражданскими и военными чинами, наложницами и принцами, устроив в саду пышный пир.

У Ян Цзина было семеро сыновей и десять дочерей. Третий принц умер еще во младенчестве, так что теперь сыновей оставалось шестеро. К этому часу празднества за столами сидели лишь наследный принц Ян Тао, второй принц — Князь Лян Ян Чжао, да четвертый — Князь Чжао Ян Си. Остальные дети под присмотром кормилиц и стражи давно разбежались и затерялись в укромных уголках императорского сада. Время от времени до пирующих доносился звонкий, чистый смех маленьких принцесс, уносимый легким дуновением ветра куда-то в глубь тенистых аллей.

Император благодушно внимал этим звукам. Он поднял нефритовый кубок и осушил его до дна, а сидевший подле наследник, шестнадцатилетний Ян Тао, поспешил лично наполнить чашу отца из кувшина. Наследный принц рос юношей редкой красоты: его удлиненные, поистине царственные глаза и яркие, четко очерченные губы затмевали любого из братьев и сестер. К тому же он выказывал блестящие успехи как в науках, так и в военном искусстве, чем снискал глубокое расположение государя.

Но стоило правителю и его подданным погрузиться в безмятежное веселье, как благообразную тишину разорвал пронзительный детский крик. Вслед за ним послышались женская ругань и грозные окрики стражников — все смешалось в нестройный, тревожный гул.

Ян Цзин нахмурился и многозначительно глянул на стоявшего рядом старшего евнуха Хэ Цинчуня. Тот уже собрался было пойти и разузнать, в чем дело, как вдруг к пиршеству, задыхаясь от страха, подбежала дворцовая служанка. Это была личная девица девятой принцессы Ян Мэй.

Упав на колени, она запричитала, бясь челом оземь:

— Ваше Величество! Там... там маркиз Хуайнань подрался с девятой принцессой! Наша госпожа жестоко обижена, молим Ваше Величество восстановить справедливость!

— Маркиз Хуайнань? — удивленно приподнял брови император.

В самом начале пира Ян Цзин мельком оглядел гостей и вроде бы заметил маленького Ян Е, которого привели слуги из поместья князя Шу, но мальчишка затерялся среди прочей императорской родни, и государь быстро позабыл о нем. Сначала император подумал, что детская свара не стоит его внимания, однако плач маленькой принцессы становился все громче и безутешнее.

В конце концов Ян Цзин поднялся со своего места:

— Идемте. Посмотрим, что там стряслось.

Ян Е, унаследовавшему титул маркиза Хуайнаня, едва исполнилось шесть лет. Его покойным отцом был шестой императорский брат, князь Шу Ян И. Из-за своего строптивого и гордого нрава Ян И еще с малых лет не пользовался благосклонностью прежнего императора и не имел веса при дворе великой Да Янь. Не желая прозябать в столице, он добровольно вызвался служить на южной границе империи, близ рубежей государства Цюннань. Два года назад он погиб в одной из приграничных стычек. В довершение бед в прошлом году скончалась и княгиня, оставив ребенка круглым сиротой. По законам Да Янь дворянские титулы не наследовались в первозданном виде: если преемник не имел собственных воинских заслуг, ранг понижался на одну ступень. Так сирота Ян Е вместо отцовского княжеского удела получил лишь титул маркиза Хуайнаня.

Когда Ян Цзин со свитой прибыл к месту происшествия, битва малолетних отпрысков была в самом разгаре. Девятая принцесса Ян Мэй стояла в стороне. Одна из ее аккуратных детских косичек была безжалостно растрепана; девочка рыдала навзрыд, лила слезы, точно умытый весенним дождем цветок дикой груши.

Рядом на земле шестой принц Ян Ле оседлал маленького Ян Е и почем зря околачивал его кулаками. Окружавшие их слуги и стражники лишь создавали видимость бурной деятельности, не решаясь по-настоящему вмешаться. Немногих телохранителей, прибывших с маркизом Хуайнанем, дворцовая стража намеренно оттеснила в сторону, заставив тех лишь бессильно метаться от тревоги.

При появлении императора все присутствующие мгновенно пали ниц.

Девятая принцесса тут же бросилась навстречу отцу, уткнулась в его роскошные одежды и сквозь рыдания пожаловалась:

— Отец! Ян Е меня ударил! Посмотри на мои волосы — он растрепал их и выдрал целую прядь! Отец, вели казнить его! Отруби ему голову! Нет, изруби на куски! Предай его мучительной смерти!

Ян Цзин недовольно нахмурился:

— Из-за простой детской драки требовать столь лютой казни? Тебе пора поумерить свой нрав. Ну же, ступай к старшему брату. Ле-эр, прекрати немедленно!

Однако Ян Ле словно оглох: он продолжал исступленно наносить удар за ударом, превращая лицо лежащего под ним мальчика в сплошное багровое месиво. Ян Е, широко распахнув глаза, в которых бушевало яростное пламя, лишь крепче стискивал зубы. Он не издал ни звука, отчаянно отбиваясь и цепляясь за обидчика, но силы были неравны — он был слишком мал, чтобы сбросить противника.

Ян Цзин гаркнул вновь:

— Ле-эр, уймись! А вы, олухи, чего застыли? Растащите их живо!

Несколько стражников торопливо поднялись с колен и наконец оттащили разъяренного принца от избитого сироты. Но Ян Ле, упиваясь превосходством, продолжал выкрикивать ругательства:

— Ублюдок паршивый! Попадись мне еще раз — я из тебя всю душу вытрясу!

Не успел он закончить угрозу, как поверженный Ян Е рывком перевернулся и, точно дикий волчонок, бросился на обидчика, мертвой хваткой впившись зубами в его предплечье.

Ян Ле взвыл от нестерпимой боли и от испуга громко разревелся. Опешившие стражники кинулись растаскивать мальчишек, но Ян Е сжимал челюсти железной хваткой. Применить силу к племяннику императора стража не смела, и в этот момент всеобщего замешательства вперед выступил четвертый принц — Князь Чжао Ян Си. Он легко подхватил Ян Е под мышки и с улыбкой прошептал:

— Если сейчас же не отпустишь его, я защекочу тебя до смерти!

Угроза подействовала незамедлительно. Ян Е разжал зубы, и Ян Си поудобнее перехватил его на руках, примиряюще заметив:

— Надо же, какой ты грозный! И сестру мою до слез довел, и брата заставил реветь.

Глаза Ян Е затуманились слезами, но он упрямо сдерживал их, не позволяя скатиться по щекам. Ян Цзин, хмурясь, подошел ближе:

— Из-за чего разгорелась драка? Ну-ка, кто объяснит?

Ян Е лишь отвернулся, храня угрюмое молчание, пока Ян Ле продолжал безутешно голосить. Вырвавшись из объятий наследного принца, Ян Мэй снова подбежала к отцу и сквозь рыдания затараторила:

— Отец! Я гуляла у пруда и увидела, что у самой воды распустился поздний лотос. Мне так захотелось его получить! На берегу как раз стоял Ян Е, и я велела ему сорвать цветок для меня, ведь мой отец — сам император! А он мало того что отказался, так еще и обозвал меня! Сказал, что я уродливее этого лотоса, и если я возьму его в руки, то лишь испоганю красоту! Еще и заявил, будто девица с такой рожей не смеет им помыкать! Я хотела проучить наглеца, а он посмел поднять на меня руку! Если бы братец Ле-эр не подоспел на помощь, этот дикарь бы меня покалечил! Отец, ты ведь всегда говорил, что я краше всех на свете? Почему же он так обходится со мной?

Скрыв тень улыбки в уголках губ, Ян Цзин ласково погладил дочь по голове:

— Моя маленькая принцесса, разумеется, прелестнее всех. А этот глупец просто слеп, не стоит и внимания твоего. — Не дав дочери продолжить капризы, он строго перевел взгляд на сироту: — Ян Е, ты ведь будущий мужчина. Не захотел сорвать цветок — твое право. Но если девица замахивается на тебя, должно уклониться, а не пускать в ход кулаки. Тебе ясно?

Ян Е лишь вызывающе хмыкнул. Ян Си едва заметно коснулся его плеча и шепнул на ухо:

— Быстро скажи, что все понял.

Мальчик искоса зыркнул на него, встретил теплую, ободряющую улыбку старшего кузена и наконец нехотя выдал:

— Понял.

Ян Цзин покачал головой:

— Маркиз Хуайнань, а ведь ты сейчас дрался и кусался точь-в-точь как голодный волчонок. Отныне забудь имя Ян Е. Будешь Сяо Ланом — Волчонком. Это имя подходит тебе как нельзя лучше. — Оглядев изодранные шелка и растрепанную прическу сироты, император добавил: — Си-эр, приведи его в порядок и возвращайся вместе с ним к общему столу.

— Слушаюсь, отец, — склонился в глубоком поклоне Ян Си.

Он проводил взглядом уходящего государя, подле которого по бокам шли хнычущие Ян Ле и Ян Мэй в окружении свиты, и лишь тогда опустил маленького маркиза на землю. Слуги из поместья князя Шу попытались было приблизиться, но Ян Си жестом велел им оставаться на месте. Он сам принялся отряхивать одежду кузена. Парчовый халат мальчика, хоть и был сшит из дорогой ткани, давно поблек от времени, а теперь еще и зиял прорехами.

Сердце четвертого принца сжалось от жалости. Он заботливо поправил воротник на шее ребенка и тихо спросил:

— Сегодня великое празднество, все надели лучшее убранство. Почему же ты пришел в старом халате?

Ян Е воззрился на него с искренним недоумением. Было очевидно, что сирота и понятия не имел, чем новый наряд отличается от заношенного.

Ян Си заглянул в его темные, блестящие глаза, а затем перевел взгляд на багровые кровоподтеки, оставленные кулаками беснующегося Ян Ле. Осторожно, едва касаясь

пальцами, он принялся аккуратно растирать ушибленные места, мысленно сокрушаясь: «Пусть даже они рождены в золотых чертогах, но дети, оставшиеся без отца и матери, — самые несчастные создания на земле».

— Сильно болит? — ласково спросил он.

Ян Е безмолвно кивнул. Ян Си огляделся по сторонам и, убедившись, что стража держится поодаль, склонился к самому его уху:

— Глупый ты. Он ведь сильнее и старше тебя. Если видишь, что не сдюжишь, сразу пускай в ход лучшую из тридцати шести стратагем — беги без оглядки. А коли скрыться не можешь, кричи во все горло. Чем больше людей сбежится, тем скорее вас разнимут, и ты останешься цел. А вот когда подрастешь да наберешься сил — тогда и сочтетесь. Запомнил?

Ян Е замер, пораженный этими словами, и вдруг крупные, чистые как хрусталь слезы покатались из его глаз. Ян Си поспешно утер их широким рукавом своего халата:

— Ну полно, идем скорее. Я отведу тебя к матушке. У нее хранятся мои детские вещи, некоторые совсем новые, ни разу не надеванные. Мы подберем тебе что-нибудь чистое.

Он взял мальчика за руку и повел к покоям своей матери. По пути Князь Чжао спросил:

— А у тебя уже есть взрослое имя? Даровал ли тебе отец вежливое имя?

— Нет, — тихо ответил Ян Е. — Мое имя выбрал отец перед самым уходом. Но матушка рассказывала, что едва я родился, он ушел в поход на юг, да там и сгинул. Так и не успел дать мне второе имя.

— Вот как... — вздохнул Ян Си. — Доблесть моего шестого дяди гремела на всю Поднебесную, я всегда восхищался его отвагой. Жаль, что он покинул этот мир столь рано. Что ж, раз так, позволишь ли ты мне, твоему брату, выбрать для тебя вежливое имя?

Ян Си устремил взор на пышное убранство императорского сада. В угасающих лучах осеннего солнца листва деревьев отливала густым багрянцем и золотом. Немного подумав, принц мягко произнес:

— Нуаньлинь. Теплый Лес. Как тебе? Звучит красиво?

Ян Е не знал, красиво это или нет, но послушно и часто закивал. Его крошечные ладони тонули в теплой руке старшего брата. Это ощущение чужой заботы было столь непривычным и сладостным, что мальчик крепко сжал пальцы кузена, начисто позабыв о своей недавней волчьей злости. Усмиренный лаской, он послушно побрел следом в глубь дворцовых покоев.

В тот вечер Ян Е облачили в детские одежды Ян Си: изящный бело-розовый халат из узорчатой парчи, на отворотах которого серебряными нитями красовались роскошные бутоны пионов. В довершение образа Ян Си повесил ему на шею золотую детскую гривну, усыпанную отборным жемчугом и самоцветами.

Мать Князя Чжао, наложница Го, происходила из худородной семьи и никогда не пользовалась особым благоволением государя, однако отличалась кротким и добрым нравом. Увидев изувеченное лицо Ян Е, она немедленно велела служанкам принести целебное снадобье. Сама бережно нанесла мазь на ушибы мальчика, тихо сокрушаясь:

— Бедное дитя... Растить без материнской ласки — тяжелая доля. Си-эр, почаще приводи брата к нам. Я всегда найду для него вкусное угощение.

Когда празднество подошло к концу и Ян Е пришла пора возвращаться, он никак не желал отпускать руку кузена. Ян Си ласково улыбнулся ему и негромко шепнул:

— Ступай домой. Моя усадьба находится за пределами дворца, на Восточной улице, неподалеку от переулочка Руи — любой прохожий укажет дорогу. Как будет время, приходи ко мне.

Ян Е крепко запечатлел эти слова в памяти. Но он был слишком мал, а дружба с императорскими принцами — дело государственной важности, так что управитель поместья князя Шу наотрез отказался отпускать сироту одного. Целых три дня мальчик отчаянно бунтовал, а не добившись своего, попросту сбежал из дома.

Так между кузенами завязалась неразрывная связь.

В поместье князя Чжао маленький Ян Е успел и позавтракать, и пообедать, и явно нацелился на ужин. Более того, он всячески выказывал желание остаться на ночь и непременно разделить с Ян Си одну постель, напрочь игнорируя экипаж из Поместья маркиза Хуайнань, что уже несколько часов дожидался его у ворот.

Под вечер он умильно заглянул кузену в глаза:

— Брат, я так хочу тех сладостей, что готовит матушка Го... Пусть это будет моим ночным угощением. Я вовсе не объелся, честно! А если что, я сразу выпью Четырежды растёртый отвар.

Четырежды растёртый отвар давали детям при несварении желудка. Ян Си взглянул на темнеющее за окном небо, ласково взъерошил волосы мальчика и с улыбкой вздохнул:

— Раз не объелся, зачем пить горькое лекарство? Завтра я отведу тебя во дворец. Сейчас уже слишком поздно, нас никто не впустит.

Ян Е всем сердцем полюбил лакомства наложницы Го. С тех пор он при каждом удобном случае напрашивался в гости к кузену, а добрая женщина относилась к нему как к родному сыну, балуя не меньше, чем собственного ребенка.

Но мирские дела зыбки и изменчивы, подобно бегущим по небу облакам. Спустя пять лет эту кроткую, благородную женщину по надуманному, но благообразному предлогу живьем закопает в землю тогдашний наследный принц Ян Тао — будущий император Да Янь.

И детские радости Ян Е оборвутся навсегда.

<http://bllate.org/book/19546/1950729>